

Психология национализма в зарубежных исследованиях

О.Е. ХУХЛАЕВ

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье представлен анализ зарубежных психологических исследований, посвященных проблеме национализма. Прослежена история появления данного термина в психологических исследованиях, представлены подходы к национализму, разрабатываемые в рамках политической и социальной психологии, описаны основные результаты исследований. Обозначено, что магистральным направлением изучения национализма в психологических исследованиях является рассмотрение его соотношения с патриотизмом.

Ключевые слова: национализм, патриотизм, ин-групповой фаворитизм, аут-групповая дискриминация, социальная идентичность.

В настоящее время национализм прочно занимает место одного из важнейших источников легитимации коллективного насилия и межгрупповой неприязни. При этом, «опрокидываясь» в повседневность, он перестает быть только идеологической доктриной, «политическим применением символа нации при помощи дискурса в политической деятельности» [2, с. 298]. Понимание мотивов участия молодежи в ультрарадикальных националистических организациях, в массовых националистических акциях требует ответа на вопрос: «В каких ситуациях эти смыслы становятся востребованными на уровне группового сознания?»

В то же время классические подходы к изучению проблем межгруппового взаимодействия (в основном связанные с использованием теории социальной идентичности) являются слишком «лабораторными» для подобных исследований. В этой ситуации остро стоит проблема введения националистических фе-

номенов в пространство объектов психологических изысканий.

В современной зарубежной психологии накоплен определенный опыт изучения феномена национализма, который практически не задействован отечественными исследователями. В задачи нашей работы входит краткое описание истории возникновения вопроса, изложение наиболее ярких подходов к рассмотрению национализма в рамках политической психологии и социальной психологии, а также анализ основных результатов и ключевых проблем психологического изучения национализма.

Современные ученые, анализирующие проблему национализма, относят начало ее рассмотрения в психологии к середине XX в. При этом они имеют в виду исследования, которые можно только ассоциировать с вопросами национализма (например, концепция «авторитарной личности» Т. Адорно [1]). В целом термин «национализм» в них практически не встречается и не являет-

ся концептуально значимым. Некоторое исключение составляют работы психоаналитического характера [4; 13 и др.], которые, однако, не являются результатом эмпирических и экспериментальных исследований, а, скорее, представляют собой теоретические рассуждения. В дальнейшем эта традиция не получила серьезного развития в классической психологии, психоаналитические идеи использовались главным образом как психологический язык описания конкретных историко-политических националистических ситуаций [18; 29].

Одно из первых эмпирических исследований национализма строилось на предположении, что национализм — комплексный, своего рода «рамочный» феномен. Л. Дооб [10] на материалах изучения жителей Южного Тироля описывал «националистический синдром» как сочетание позитивных установок по отношению к «своему» обществу и, как правило, неприязненных к иным социальным группам. Составляющие данного синдрома — патриотизм и этноцентризм, т. е. позитивные и негативные аттитюды, связанные с национальной принадлежностью.

Однако наибольшее влияние на современные подходы к изучению национализма оказало исследование Р. Костермана и С. Фешбаха, изложенное в статье 1989 г. «Патриотические и националистические установки» [19]. Авторы обращают внимание на то, что в предыдущих работах присутствовал одномерный подход к описанию данной реальности. Соответственно, их главной задачей была разработка многомерного подхода к патриотическим и националистическим аттитюдам. По результатам факторного анализа авторского «опросника полити-

ческих установок» авторами были выведены шкалы «патриотизма», «национализма» и «интернационализма».

По результатам сравнения показателей по данным шкалам и ряда политико-психологических параметров Р. Костерман и С. Фешбах сделали вывод, что национализм и интернационализм являются не полярными, а относительно независимыми конструктами. Авторы также обратили внимание на различия между национализмом и патриотизмом. Так, среди респондентов, участвовавших в исследовании и поддерживающих национализм, было больше тех, кто родился за пределами США, и, наоборот, родившимся в Америке был более свойственен патриотизм. Основная интерпретация этого феномена, по мнению Р. Костермана и С. Фешбаха, связана с одним из базовых феноменов теории социальной идентичности, заключающемся в том, что позитивная ингрупповая идентичность не обязательно влечет за собой враждебность к аутгруппе.

Такое разделение патриотизма и национализма является популярным и в настоящее время. Так, большинство ученых, чьи исследования опубликованы в журнале «Политическая психология», либо используют опросник Р. Костермана и С. Фешбаха, либо конструируют собственные, основываясь примерно на той же идее, что патриотизм — это в большей степени позитивное чувство преданности, гордости и любви к своей стране, а национализм отражает идеи, связанные с доминированием, неприязнью к иным и т. п.

Таким образом, магистральным направлением изучения национализма, заданным авторами, является изучение его соотношения с патриотическими феноменами. Любое исследование так или

иначе касается этого вопроса. Можно выделить два основных подхода к его решению. Первый связан с массовыми исследованиями на грани социологии и психологии, проводимыми в рамках политической психологии. Второй в большей степени связан с использованием социально-психологической методологии. Рассмотрим каждый из данных подходов.

Изучение национализма в политической психологии

Продолжая исследовательскую традицию Р. Костермана и С. Фешбаха, Р. Шатц, Э. Стауб и Г. Лавин [28] концентрировались на выяснении взаимосвязи между национализмом и патриотизмом. При этом авторы основывались на представлении о различии между двумя формами патриотизма: «слепым» и «конструктивным». По их данным, национализм позитивно коррелирует именно со «слепым» патриотизмом, так же как и национальная «уязвимость» и авторитаризм правого толка. Связей национализма и конструктивного патриотизма не обнаружено.

В другом исследовании Р. Шатц и Г. Лавин [27] изучали влияние различных факторов на две формы переживания связанности с национальной группой. Это «символическая сопричастность» («symbolic involvement»), связанная с важностью национальных символов и ритуально-церемониальной активности, и «инструментальная включенность» («instrumental involvement»), связанная с вопросами функционирования национальных институций, их способностью приносить конкретную поль-

зу гражданам. По результатам опроса именно «символическая сопричастность» является значимым предиктором национализма. Выявлена также связь авторитаризма правого толка с национализмом.

Отдельная группа политико-психологических исследований посвящена анализу влияния социально-политических переменных на национализм.

М. Кондорс и П. Шиперс [8] в исследовании, посвященном влиянию уровня образования на национализм, предложили рассматривать данный феномен как комплекс позитивных аттитудов по отношению к своей группе (стране), в то время как негативные установки по отношению к этническим меньшинствам и иммигрантам получили название «этнический эксклюзионизм» (стремление к исключению). В целом исследование представляет собой анализ массовых социологических опросов по нескольким странам. Авторами обнаружено, что в большинстве стран патриотический национализм (патриотизм) не связан с исключением иммигрантов и политических беженцев. Более того, в пяти странах он имеет отношение к меньшему их исключению. Оказалось, что шовинистический национализм связан с отсутствием образования и незаконченным средним (в меньшей степени) образованием, а патриотический — только с отсутствием образования (в существенно меньшей степени).

Что касается социальной позиции, то ее влияние на шовинистический национализм в два раза меньше, чем влияние уровня образования. Наибольшее влияние на склонность разделять националистические установки оказывает принадлежность к таким группам, как пенсио-

неры и «люди, занимающиеся ручным неквалифицированным трудом». Принадлежность к студенчеству является значимой предпосылкой несогласия с шовинистскими высказываниями.

Х. Вайс [31] в масштабном сравнительном исследовании национализма в Европе рассматривал националистические аттитюды в терминах переоценки и идеализации собственной нации, культуры наряду с ее международной значимостью и «национальным эгоизмом». Дополнительно автором были задействованы переменные: этническая интолерантность, демократические установки, установки по поводу неолиберального капитализма (политическая ориентация, противоположная социально-ориентированным ценностям), а также социально-профессиональный статус. Было обнаружено, что этническая интолерантность и социально-профессиональный статус (от неквалифицированного рабочего на одном полюсе до предпринимателя — на другом) оказывают наибольшее влияние на националистические установки. Однако наблюдались и существенные отличия в общей структуре переменных в разных странах. В «пост-коммунистических» странах (Чехия, Словакия, Венгрия, Польша) влияние социально-профессионального статуса было опосредовано согласием с антикапиталистическими установками (анти «неолиберальными»). При этом демократические установки не были связаны с национализмом. В Австрии же, напротив, именно демократические установки оказались ключевым модератором между социальным статусом и этнической интолерантностью, которая, в свою очередь, влияла на национализм.

Таким образом, было показано, что влияние политических взглядов на националистические установки не является однозначным связано с конкретными историко-политическими реалиями страны.

М. Карасава [16] в исследовании японских студентов также отделяет факторы национализма и патриотизма, противопоставляя ощущение превосходства своей страны и чувство гордости и преданности Японии. Однако автором обнаружено, что данные факторы достаточно высоко коррелируют между собой. При этом возраст респондента оказывает значимое влияние на согласие с обеими группами установок. Правда, есть и различия. Так, патриотизм обнаруживает влияние на склонность разделять взгляды социалистов и коммунистов, а национализм никак не влияет на идеологический выбор.

Некоторые авторы также обращают внимание на противоречивость разделения национализма и патриотизма, на их взаимное переплетение. Так, М. Кеммельмейер и Д. Винтер [17] изучали влияние восприятия американского флага на национализм и патриотизм, которые определяли как аутгрупповые и ингрупповые установки. Патриотизм понимался авторами как несоревновательная привязанность и преданность собственной стране, а национализм — как идеология превосходства, исключения и даже доминирования над аутгруппой. Исследователи обнаружили, что наблюдение американского флага повышает национализм, но не патриотизм. Процедура исследования заключалась в том, что одни и те же опросники испытуемые заполняли в двух разных комнатах — в одном случае место проведения исследования

было обильно декорировано американским флагом (что по опыту прошлых исследований авторов не вызывало удивлений у респондентов). Оказалось, что испытуемые, заполняющие опросники «с флагом», демонстрируют более высокие показатели по шкале национализма.

Неоднозначность результатов исследования оппозиции «национализм-патриотизм» побудила некоторых авторов к выстраиванию альтернативных концепций. Одна из них представлена в работе Х. Деккера, Д. Маловой и Л. Хагендоорна [9].

Истоки национального чувства, по их мнению, связаны с потребностью в позитивной социальной идентичности. Ощущение соперничества с меньшинствами, зарубежными странами способно усилить одобрение своей страны и позитивное отношение к согражданам. Это может привести к появлению *национального предпочтения*. Чем сильнее становится предпочтение, тем отрицательнее может стать установка по отношению к другим. В этом случае национальное предпочтение приводит к *национальному превосходству*.

Наконец, у людей может появиться установка *национализма*. Это происходит, когда в процессе национальной социализации упоминается идея об общем происхождении, наследии или кровном родстве. Возникает желание поддерживать эту «нацию» как можно более чистокровной (чистой) и установить или отстоять отдельное независимое государство — в случае необходимости, объединить в пределах границ государства все группы, которые рассматриваются как часть этой «нации». Подобные взгляды оказываются наиболее привлекательными для людей, которые имеют

слабую позитивную идентичность или страдают от кризиса идентичности.

Таким образом, исследователи пришли к выводу, что национализм — это крайний, «экстремальный» вариант позитивных установок по поводу своей национальной группы (патриотизма), связанный с переживанием «единства происхождения».

Социально-психологический анализ национализма

Социально-психологические подходы к рассмотрению проблематики национализма многообразны. Однако большинство из них лежит в плоскости «возможного», так как конструирование специальных экспериментальных моделей для изучения националистических феноменов с позиций социальной психологии осуществляется крайне редко. Чаще всего исследования представляют собой использование социально-психологического подхода к анализу уже имеющихся данных. Продемонстрируем это на примере двух ключевых обзорно-аналитических работ.

Автор первой из них, Д. Друкман [11], в большой теоретической работе, посвященной национализму в социально-психологической перспективе, обозначил три наиболее важных психологических проблемы, связанные с национализмом: 1) какие факторы пробуждают чувство групповой лояльности и как это влияет на враждебность по отношению к другим группам; 2) как пересекающиеся или множественные лояльности могут менять лицо национализма; 3) как индивидуальная лояльность группе влияет на коллективное поведение.

Рассматривая вопрос взаимосвязи групповой лояльности и враждебности, Д. Друкман пришел к выводу, что национальные чувства (т. е. позитивные переживания, связанные со своей страной) рождаются раньше, чем их когнитивная интерпретация. Последующая рационализация этих чувств возможна или в виде идеи превосходства своей нации, или как представление, что «моя нация — это хорошо». Получается, что «национальные чувства» появляются раньше их когнитивного объяснения и потому более устойчивы. В подтверждение этой гипотезы Д. Друкман приводит результаты исследования Дж. Даккитта [12], выявившего, что этноцентрический патриотизм связан с неуверенной идентификацией с группой, а «обычный» патриотизм относится к стойкой групповой идентификации. Таким образом, аутгрупповые установки могут быть объяснены особенностями аттитюдов по поводу ингруппы.

При этом, как пишет Д. Друкман, существуют исследования, в которых национализм не противопоставлен патриотизму, а является его развитием, своего рода «усложнением». С этой точки зрения патриотизм — только ощущение преданности (готовность пожертвовать чем-либо ради нации), в то время как национализм — это преданность в совокупности с тенденцией к «исключению иных», готовность жертвовать, поддерживаемая враждебностью по отношению к «другим». При этом национализм «надстраивается» над патриотизмом, являясь его более поздней формой. Таким образом, с этой точки зрения патриотизм является более ранним феноменом в процессе социализации и, как следствие, более жестко связан с эмоциями.

Так же Д. Друкман обозначил следующий вопрос. В классических исследованиях национализм/патриотизм рассматриваются как устойчивые группы установок. Однако при этом упускается влияние конкретной социальной ситуации. По мнению автора, не соревновательная ситуация будет привлекать внимание человека к аутгруппе, а, напротив, высокосоревновательный контекст с необходимостью ведет к сравнению и росту националистических установок. Таким образом, возникает проблема определения, что является первичным: установка на сравнение и негативную оценку аутгруппы или соревновательный контекст ситуации.

Третий вопрос, которым задался Д. Друкман, лежит в плоскости рассмотрения, как индивидуальная лояльность к группе влияет на коллективное поведение. По мнению автора, опирающегося в данном случае на концепцию референтной группы [3], национализм не обязательно влечет за собой возникновение враждебности по отношению к иным нациям. Дело в том, что высокая лояльность к группе не связана напрямую с враждебностью по отношению к другим. Согласно такому подходу, негативной является «экстремальная» форма национализма, возникающая, когда аутгруппа становится центром восприятия окружающего мира, своего рода базовой «точкой отсчета», причем более успешной, чем ингруппа.

Подобная ситуация была в рамках изучения «альтер-центризма» (сосредоточенности на «Другом») [23]. «Альтер-центризм» ведет к негативной национальной идентичности, потому что референтная группа оказывается вне своей страны. Таким образом, аутгруппа авто-

матически оценивается как более успешная, более «мощная», что ведет к росту враждебности по отношению к ней. В исследованиях М. Шварца [30] этот феномен получил название «негативный этноцентризм».

Итак, Д. Друкман обозначил целый ряд исследовательских направлений и дал пример комплексного использования различных социально-психологических концепций для анализа феномена национализма.

Работа К. Макколи [22] также может быть примером разностороннего рассмотрения национализма. На основании теоретического анализа К. Макколи утверждал, что в основе этнического национализма и этнического конфликта лежит явление групповой идентификации — эмоциональной привязанности к группе. При этом кроме традиционного подхода к этому вопросу (использование теории социальной идентичности, концепции социальной стереотипизации) он предложил рассмотреть проблематику этнического национализма с точки зрения теории групповой динамики [20]. По его мнению, «расширение теории групповой динамики до вопроса идентификации с политическими группами предполагает, например, что нечто очень сильное приведено в движение, когда правительство начинает вознаграждать и наказывать граждан в соответствии с принадлежностью к той или иной этнической группе» [22, с. 354]. Таким образом, «мобилизация этнического национализма или патриотизма не может быть понята только на уровне отдельных верований или эмоций; мобилизация должна произойти на уровне норм малых групп, чтобы это могло повлиять на готовность индивида пожертвовать во имя группы» [там же].

Другой важный вопрос, затронутый К. Макколи, связан с использованием для анализа национализма теории управления страхом («*Terror management theory*» [26]). Данная теория предполагает, что власть группы заключается в степени того, насколько приверженность к ней позволяет человеку решить проблему смерти. По мнению авторов данной концепции, группа дает людям, осознающим принадлежность к ней, ощущение символического бессмертия. Физическая (конечная) жизнь индивида продлевается, сливаясь с «бесконечной» жизнью группы. С этой точки зрения «национальные» группы обладают определенными преимуществами: «членство в теннисном клубе не предлагает какого-либо вида бессмертия. Соседство, команда, союз, экономический класс, даже индустриальное государство практически не претендуют на бессмертие. С другой стороны, раса, нация, религия, культура — они действительно предлагают участие в группе, которая, считается, имела неопределенно долгое прошлое и неограниченное будущее» [22, с. 356]. Вследствие этого, мотивацию национализма можно рассматривать как борьбу со страхом смерти посредством поиска источника символического бессмертия (принадлежности к «национальной» группе).

Именно в этом, по мнению К. Макколи, состоит причина значимости фактора религии, а также исторического прошлого в любом этнополитическом конфликте. «Длинная история группы является обещанием вечного будущего» [там же, с. 357]. Таким образом, групповая угроза в соответствии с теорией управления страхом может быть интерпретирована как угроза личному суще-

ствованию. При этом человек может пойти на собственную физическую смерть за вознаграждение в виде символического бессмертия, отраженного в существовании национальной группы. Данный объяснительный механизм, в отличие от теории социальной идентичности, больше подходит для анализа экстремальных ситуаций, связанных с национализмом, позволяя понять природу таких фактов, как, например, самопожертвование «ради нации».

В целом вклад К. Макколи состоит в привлечении двух современных социально-психологических концепций («групповой динамики» и «теории управления страхом») для анализа националистических феноменов. Однако следует отметить, что экспериментального продолжения данной работы не последовало. Большинство более современных исследований было построено в той же «классической» логике, как и все политико-психологические работы. Примером может служить исследование Л. Хадди, Н. Хатиб [15], находящееся на «стыке» социальной психологии и политологии. Его авторы, основываясь на теории социальной идентичности, понимали ее достаточно широко. Они рассматривали национальную идентичность как одну из форм проявления принадлежности к стране. При этом они использовали термин «некритический патриотизм» как синонимичный понятию «национализм». По результатам исследования согласие с националистическими установками повышается с возрастом. Пол (женский) и образование являются негативными предикторами национализма, а позитивное влияние на него оказывает согласие с авторитарными уста-

новками, измеренными по шкале авторитаризма правого толка Альтмейера.

Одно из немногих социально-психологических экспериментальных исследований национализма было осуществлено А. Маммендей, А. Клином и Р. Брауном [24]. Их работа посвящена изучению связи национализма/патриотизма и релятивной/автономной ориентаций в процессе оценки ингруппы. Главный вопрос исследователей состоял в выявлении связей между позитивной оценкой собственной нации и неприязнью к иностранцам или в изучении условий «здоровой» национальной гордости, при этом они опирались на исследование, «разводящее» национализм и патриотизм (или «конструктивный» и «слепой» патриотизм). По мнению авторов, национализм в терминах теории социальной идентичности может быть рассмотрен как межгрупповая дифференциация, в то время как патриотизм представляет собой позитивную оценку ингруппы. При этом национализм имеет отношение к принижению аутгруппы («outgroup derogation»), в то время как патриотизм предполагает демонстрацию позитивного отношения к собственной группе независимо от аутгрупповой дискриминации.

А. Маммендей, А. Клинок и Р. Браун предположили, что межгрупповое сравнение — это не единственный способ, посредством которого может быть достигнута позитивная оценка ингруппы. Поэтому в случае национальной идентичности могут существовать три сравнения: 1) с другой нацией (межгрупповое); 2) с преуспеванием своей же страны в прошлом или будущем (временное сравнение); 3) с идеальным обществом (абсолютные стандарты). Первый тип сравне-

ния является «релятивным» [14], т. е. имеющим отношение к межгрупповому сравнению, второй и третий — автономные (не связанные с представлениями об аутгруппе).

Эксперимент был построен следующим образом. Испытуемые делились на три группы. Участников первой просили ответить на вопрос, почему они предпочитают жить в своей стране (по сравнению с *другими странами*)? Второй группе был задан вопрос «почему они предпочитают жить в своей стране *сегодня*, по сравнению с *прошлым*?». Третья группа выступала в качестве контрольной — она сразу переходила к заполнению опросников, состоящих из трех частей: ингрупповая идентификация, оценка ингруппы и принижение аутгруппы. В результате в первой группе (релятивная ориентация) наблюдались значимые корреляции между идентификацией и аутгрупповым унижением и несколько менее выраженная корреляция между унижением аутгруппы и позитивной оценкой аутгруппы. То же самое, хотя и в меньшей степени, было обнаружено у респондентов, которым тип сравнения не был задан (контрольная группа). Напротив, в группе «временного» сравнения была выявлена высокая корреляция между ингрупповой идентификацией и оценкой аутгруппы вне какой-либо связи с аутгрупповой дискриминацией.

Основной вывод исследователей заключался в том, что в результате эксперимента получены доказательства отсутствия жесткой взаимосвязи аутгрупповой дискриминации (национализма) и ингрупповой идентификации (конструктивного патриотизма). Один из механизмов, приводящих к росту именно на-

ционалистического реагирования, — фиксация на реляционном типе сравнения (с *другими*) в ситуации социального сравнения.

Таким образом, социально-психологический подход к анализу национализма приводит исследователей к выводам, созвучным результатам исследований Р. Костермана и С. Фешбаха и их последователей в рамках политической психологии, что позитивная ингрупповая идентичность не обязательно влечет за собой враждебность к аутгруппе, что патриотизм и национализм являются различными феноменами.

Однако в современной социальной психологии также присутствует иной взгляд на природу психологических оснований национализма, связывающий его существование с последствиями минимальной групповой парадигмы в целом, а не только с аутгрупповой дискриминацией. Ключевая цитата одной из таких работ звучит следующим образом: «множество форм дискриминации и предубеждений сосуществуют не потому, что есть ненависть к аутгруппе, а из-за того, что позитивные эмоции, такие, как восхищение, симпатия, доверие, “зарезервированы” для ингруппы и не имеют отношения к представителям аутгруппы» [21, с. 704]. Авторы (группа исследователей под руководством Дж.-Ф. Лайенс) предложили называть феномен, интегрирующий ингрупповую фаворитизм и аутгрупповую дискриминацию, де-гуманизацией («*infra-humanization*») аутгруппы.

Основываясь на анализе многочисленных исследований, они показали, что де-гуманизация является функцией идентификации с группой, а также того, как человек объясняет существующие

различия между группами. Эссенциализм, т. е. отношение к различиям как к неотъемлемым атрибутам ин- и аутгруппы, своего рода «непроходимым барьерам», — второй (в паре с идентификацией) необходимый предиктор де-гуманизации. При этом национализм и де-гуманизация понимаются как «две стороны одной монеты», где национализм выступает внешним проявлением, эксплицитным феноменом.

Современные формы национализма часто бывают внешне далеки от классического расизма, так как основываются на «радикальном уважении к различиям». Другие настолько «окончательно другие», что в восприятии человека «человеческая сущность» остается только за ингруппой и не распространяется на аутгруппу. Это, по мнению авторов, объясняет, почему многие люди поддерживают националистические взгляды, не считая себя расистами, декларируя при этом позитивное и гуманное отношение к людям.

Таким образом, ученые обозначили неизбежность национализма как внешнего проявления де-гуманизации аутгруппы. В то же время они несколько усложнили классическую модель социальной идентичности, введя дополнительный смысловой компонент — «эссенциалистские установки» как необходимое условие (наряду с идентификацией) для развития национализма.

Иная модель была разработана британским психологом М. Биллигом в рамках концепции «банального национализма» [5–7]. Он предложил сконцентрировать внимание исследователей на неосознаваемой стороне националистического поведения, понимая под этим не «бессознательное» (т. е. вытесненные мотивы), а

скорее то, что и не привлекает особого внимания из-за своей повседневности. Национализм, по его мнению, — это принятие без доказательств естественности («naturalness») существования нации-государства, своего рода «универсальный код повседневности». С его точки зрения, большинство дебатов «за» и «против» национализма все равно остаются в рамках националистического представления о мире, так как имеют одно общее основание — представление о естественности разделения человечества на нации. По сути дела, М. Биллиг приходит к выводу, что национализм и интернационализм не являются психологически содержательными антагонистами уже хотя бы потому, что и та и другая идеология предполагают, что каждая нация занимает свое место в интернациональном мире наций-государств.

В целом это представление лежит в основе современного мироустройства и является частью повседневной практики. Поэтому (по М. Биллигу) и позитивные и негативные «национальные чувства» имеют один источник — необходимость идеологического обоснования разделения «мы» и «они».

Видимость различий между национализмом и патриотизмом кроется в самой «дилемме национализма»: это противоречие между представлением об универсальности прав человека (как следствие необходимости избегания предубежденности) и идеологией «нации-государства», важной составляющей которой является разделение между согражданами и иностранцами (между «мы» и «они»). В связи с этим когда люди переживают негативные чувства по отношению к другим, они одновременно осознают необходимость демонстрации своего

согласия с отрицанием предрешенности. Таким образом, можно сделать вывод, что национализм и патриотизм — не два типа «национального переживания», а проявления одного и того же феномена, форма выражения значимости «национальной принадлежности» в большей (патриотизм) или меньшей (национализм) степени, согласованная с необходимостью придерживаться антирасистских норм.

В целом идеи М. Биллига соответствуют современной тенденции социальной психологии, проявляющейся в повышении значимости нарратива и обращении к смысловым переживаниям. Однако нельзя сказать, что в области изучения национализма они получили широкое распространение. Ссылки на них можно встретить преимущественно в аналитических обзорах [26], что, видимо, связано с трудностью использования данной методологии в формате эмпирического исследования.

Выводы

1. Термин «национализм» впервые встречается в рамках психоаналитических работ 40-х гг. прошлого века, однако впоследствии психоаналитические идеи использовались в основном как психологический язык описания конкретных историко-политических националистических ситуаций. В эмпирико-экспериментальных психологических исследованиях национализм стал объектом масштабных исследований только с

1990-х гг., преимущественно в рамках политической психологии.

2. В политико-психологическом плане национализм можно рассматривать как форму проявления авторитаризма, свойственную людям с невысоким социальным статусом и уровнем образования, для которых «нация» имеет преимущественно символическое значение и которые испытывают при этом «негативные» переживания, с ней связанные.

3. Магистральным направлением изучения национализма в психологических исследованиях является рассмотрение его соотношения с патриотизмом. В целом патриотизм понимается как позитивное чувство преданности, гордости и любви к своей стране, а национализм — как идеи, связанные с доминированием, неприязнью к «иным». Факт различия между данными феноменами доказан эмпирически, но эти различия не являются абсолютными. В связи с этим встает вопрос о необходимости выявления специфических предикторов национализма и определения содержательной «зоны» как различий, так и сходства феноменов национализма и патриотизма.

4. В результате исследований установлено, что национализм (в противовес патриотизму) связан с эссенциалистским представлением о «естественности» национальных различий. Оно, в свою очередь, является условием «релятивного» (т. е. связанного с конкретными «другими») социального сравнения, которое ведет к возникновению стремления к принижению аутгруппы («out-group derogation»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. и др. Исследование авторитарной личности. М., 2001.
2. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. М., 2002.
3. Мертон Роберт К. К теории референтно-группового поведения // Референтная группа и социальная структура / Под ред. С.А. Белановского. М., 1991.
4. Appel K.E. Nationalism and sovereignty: a psychiatric view // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1945. V. 40. I. 4.
5. Billig M. Banal nationalism // Nations and nationalism: a reader. Edinburgh, 2005.
6. Billig M. Reflecting on a critical engagement with banal nationalism // Sociological Review. 2009. V. 57.
7. Billig M. Banal Nationalism. L., 1995.
8. Coenders M., Scheepers P. The Effect of Education on Nationalism and Ethnic Exclusionism: An International Comparison // Political Psychology. 2003. V. 24. I. 2.
9. Dekker H., Malova D., Hoogendoorn S. Nationalism and Its Explanations // Political Psychology. 2003. V. 24. I. 2.
10. Doob L. South Tyrol: An introduction to the psychological syndrome of nationalism // Public opinion quarterly. 1962. V. 26. № 2.
11. Druckman D. Nationalism, patriotism, and group loyalty: a social-psychological perspective // Mershon International Studies Review. 1994. V. 38. № 1.
12. Duckitt J. Authoritarianism and group identification: A new view of an old construct // Political Psychology. 1989. V. 10. № 1.
13. Fessler L. Psychology of nationalism // Psychoanalytic Review. 1941. V. 28.
14. Hinkle S., Brown R.J. Intergroup differentiation and social identity: Some links and lacunae // Social identity theory: Constructive and critical advances. N. Y., 1990.
15. Huddy L., Khatib N. American patriotism, national identity, and political involvement // American Journal of Political Science. 2007. V. 51. № 1.
16. Karasawa M. Patriotism, nationalism, and internationalism among Japanese citizens: An etic-emic approach // Political Psychology. 2002. V. 23. I. 4.
17. Kimmelmeier M., Winter D.G. Sowing patriotism, but reaping nationalism? Consequences of exposure to the American flag // Political Psychology. 2008. V. 29. I. 6.
18. Koenigsberg R.A. The Psychoanalysis of Racism, Revolution and Nationalism. N. Y., 1977.
19. Kosterman R., Feshbach S. Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // Political Psychology. 1989. V. 10. № 2.
20. Levine J. M., Moreland R. L. Small groups // Handbook of social psychology. V. 2. N. Y., 1998.
21. Leyens J.-P., Cortes B., Demoulin S. et al. Emotional prejudice, essentialism, and nationalism. The 2002 Tajfel lecture // European Journal of Social Psychology. 2003. V. 33. I. 6.
22. Mccauley C. The psychology of group identification and the power of ethnic nationalism // Ethnopolitical Warfare: Causes, Consequences, and Possible Solutions. Washington, 2001.

23. *Montero M.* Political Psychology in Latin America // Political Psychology. San Francisco, 1986.
24. *Mummendey A., Klink A., Brown R.* Nationalism and patriotism: National identification and out-group rejection // The British Journal of Social Psychology. 2001. V. 40.
25. *Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S.* Why do we need what we need? A terror management perspective on the roots of human social motivation// Psychological Inquiry. 1997. № 8.
26. *Sapountzis A.* Towards a Critical Social Psychological Account of National Sentiments: Patriotism and Nationalism Revisited // Social and Personality Psychology Compass. 2008. V. 2. I. 1.
27. *Schatz R.T., Lavine H.* Waving the flag: National symbolism, social identity and political engagement // Political Psychology. 2007. V. 28. №. 3.
28. *Schatz R.T., Staub E., Lavine H.* On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // Political Psychology. 1999. V. 20. I. 1.
29. *Searle-White J.* The Psychology of Nationalism. N. Y., 2001.
30. *Swartz M.J.* Negative ethnocentrism // Journal of Conflict Resolution. 1961. № 5.
31. *Weiss H.A.* Cross-national comparison of nationalism in Austria, the Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland // Political Psychology Volume. 2003. V. 24. I. 2.

Psychology of Nationalism in Foreign Research

O.YE. KHUKHLAEV

PhD in Psychology, assistant professor, Head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education

The paper reviews foreign psychological studies on the issues of nationalism. It traces the emergence of the term in psychological studies, describes the approaches to nationalism developed within political and social psychology, and outlines the most important research outcomes. As it is revealed, the main research pattern in modern studies of nationalism is the exploration of its relationship with patriotism.

Keywords: *nationalism, patriotism, in-group favoritism, out-group discrimination, social identity.*

REFERENCES

1. Adorno T. i dr. Issledovanie avtoritarnoi lichnosti. M., 2001.
2. Verderi K. Kuda idut "naciya" i "nacionalizm"? // Nacii i nacionalizm. M., 2002.
3. Merton Robert K. K teorii referentno-grupпового povedeniya // Referentnaya gruppa i social'naya struktura / Pod red. S.A. Belanovskogo. M., 1991.
4. Appel K.E. Nationalism and sovereignty: a psychiatric view // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1945. V. 40. I. 4.
5. Billig M. Banal nationalism // Nations and nationalism: a reader. Edinburgh, 2005.
6. Billig M. Reflecting on a critical engagement with banal nationalism // Sociological Review. 2009. V. 57.
7. Billig M. Banal Nationalism. L., 1995.
8. Coenders M., Scheepers P. The Effect of Education on Nationalism and Ethnic Exclusionism: An International Comparison // Political Psychology. 2003. V. 24. I. 2.
9. Dekker H., Malova D., Hoogendoorn S. Nationalism and Its Explanations // Political Psychology. 2003. V. 24. I. 2.
10. Doob L. South Tyrol: An introduction to the psychological syndrome of nationalism // Public opinion quarterly. 1962. V. 26. № 2.
11. Druckman D. Nationalism, patriotism, and group loyalty: a social-psychological perspective // Mershon International Studies Review. 1994. V. 38. № 1.
12. Duckitt J. Authoritarianism and group identification: A new view of an old construct // Political Psychology. 1989. V. 10. № 1.
13. Fessler L. Psychology of nationalism // Psychoanalytic Review. 1941. V. 28.
14. Hinkle S., Brown R.J. Intergroup differentiation and social identity: Some links and lacunae // Social identity theory: Constructive and critical advances. N. Y., 1990.
15. Huddy L., Khatib N. American patriotism, national identity, and political involvement // American Journal of Political Science. 2007. V. 51. № 1.

16. *Karasawa M.* Patriotism, nationalism, and internationalism among Japanese citizens: An etic-emic approach // *Political Psychology*. 2002. V. 23. I. 4.
17. *Kemmelmeier M., Winter D.G.* Sowing patriotism, but reaping nationalism? Consequences of exposure to the American flag // *Political Psychology*. 2008. V. 29. I. 6.
18. *Koenigsberg R.A.* *The Psychoanalysis of Racism, Revolution and Nationalism*. N. Y., 1977.
19. *Kosterman R., Feshbach S.* Toward a measure of patriotic and nationalistic attitudes // *Political Psychology*. 1989. V. 10. № 2.
20. *Levine J. M., Moreland R. L.* Small groups // *Handbook of social psychology*. V. 2. N. Y., 1998.
21. *Leyens J.-P., Cortes B., Demoulin S. et al.* Emotional prejudice, essentialism, and nationalism. The 2002 Tajfel lecture // *European Journal of Social Psychology*. 2003. V. 33. I. 6.
22. *Mccauley C.* *The psychology of group identification and the power of ethnic nationalism // Ethnopolitical Warfare: Causes, Consequences, and Possible Solutions*. Washington, 2001.
23. *Montero M.* *Political Psychology in Latin America // Political Psychology*. San Francisco, 1986.
24. *Mummendey A., Klink A., Brown R.* Nationalism and patriotism: National identification and out-group rejection // *The British Journal of Social Psychology*. 2001. V. 40.
25. *Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S.* Why do we need what we need? A terror management perspective on the roots of human social motivation // *Psychological Inquiry*. 1997. № 8.
26. *Sapountzis A.* Towards a Critical Social Psychological Account of National Sentiments: Patriotism and Nationalism Revisited // *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. V. 2. I. 1.
27. *Schatz R.T., Lavine H.* Waving the flag: National symbolism, social identity and political engagement // *Political Psychology*. 2007. V. 28. № 3.
28. *Schatz R.T., Staub E., Lavine H.* On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // *Political Psychology*. 1999. V. 20. I. 1.
29. *Searle-White J.* *The Psychology of Nationalism*. N. Y., 2001.
30. *Swartz M.J.* Negative ethnocentrism // *Journal of Conflict Resolution*. 1961. № 5.
31. *Weiss H.A.* Cross-national comparison of nationalism in Austria, the Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland // *Political Psychology Volume*. 2003. V. 24. I. 2.